

Стася Белуга

Двое
в
моём
космосе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стася Белуга

Двое в моём космосе

<https://litres.ru/73988133>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они искали врача. Всего на полгода.

Её документы безупречны. Отпечатки пальцев изменены микрохирургией. Корабль «Ласточка» — очередная остановка в бегстве. Капитан Алекс Корсаков не доверяет чужакам. Его боец Дэн Мартинес проверяет всё дважды. Но рыжая девочка с веснушками пахнет кофе, страхом и домом. Она дрожит от его касаний. Он хочет её — жёстко и властно. Другой — нежно, с шёпотом «маленькая», от которого подкашиваются колени. Она не может выбрать. Но у неё нет времени — на борту тайна, а за спиной погоня. Эту историю не рассказывают вслух. Её проживают на грани смерти, сквозь приказы и поцелуи, сквозь «можно?» и «возьми меня».

18+. Космос. Опасность. Запретная близость. И любовь, которой не ищут оправданий.

Стася Белуга

Двое в моём космосе

Глава 1

Пролог.

Фрагмент.

Источник: гиперканал «Цитадель-7». **Время:** не определено.

Небо.

Не то небо, которое видят люди с Земли — акварельно-голубое, кобальтово-синее или пронзительно-чёрное, усыпанное бриллиантами звёзд. Не то небо, которое видят со своих планет чужие: багрово-красное, как его воспринимают Ай-лори; зеленовато-серое глазами расы Шерз; мутно-коричневое, сквозь толщу воды, как его чувствуют зрительные рецепторы головоногих Тренли.

Все мы видим лишь кусочек неба с поверхности своих планет.

А на самом деле... оно глубоко чёрное. Холодное. Чужое. Если находиться внутри космического корабля, за иллюминатором которого нет атмосферы, нет облаков, нет привычного горизонта — только бесконечность. Миллиарды звёзд.

Ярких, голубых, золотых, белых — и тусклых, умирающих красных карликов. Миллионы живых глаз на теле древнего великана. И это не мы смотрим на них. Это они смотрят на нас. Слушают. Ждут. До некоторых — лишь десятки световых лет. До иных — тысячи.

Но когда корабль ныряет в гиперканал — звёзд нет.

Есть только тёмно-серебристая сплошная труба. Нора. Кишка вселенной. Называй как хочешь. Ни одной звезды. Ни одной точки опоры. И время здесь течёт иначе.

Гиперканалы — это очень странные образования во чреве Вселенной. Даже сейчас, в середине XXIII века, они не изучены как следует. Существует не менее сотни диссертаций людей и ещё больше научных трудов чужих о сути и структуре гиперканалов. Но до сих пор понять их феномен никто не мог. Особенно то обстоятельство, что хронотоп там изменён так сильно, что время не подчиняется никаким законам — и одновременно там существует и настоящее, и прошлое, и будущее.

Как в самой сути понятия «Космос» у античных философов Земли.

Поэтому перехват информации из будущего в пространстве гиперканала возможен. Не часто — но возможен.

И Ник это знал.

Ник — андроид. Энергетик яхты «Ласточка». Ему шесть лет — по меркам машин, молодость. Не какой-то там примитивный робот, призванный исполнять ограниченный на-

бор рутинных процедур! Его каркас выполнен из сложных сочетаний металла, полимеров и керамики. Но удивительно эластичная искусственная кожа с интегрированной квантовой нейронной сетью, со множеством сенсоров и актуаторов делала его практически не отличимым от человека — если не присматриваться к серебристым вставкам на скулах и голубоватому свечению индикаторов на висках. Он умеет улыбаться — слишком широко, по инструкции. Он умеет молчать — вечность, если нужно. Он хранит в памяти всё, что видел и слышал, и никогда ничего не забывает. Это его дар и его проклятие.

В свободное от вахт время Ник отслеживает случайные записи систем корабля. Не потому, что ему приказали. Потому что интересно. Потому что внутри его процессоров живёт тихое, неутолимое любопытство — аналог того, что люди называют «душой». Он никому об этом не говорит. Даже «Ласточке» — кораблю, с которым у него давно уже не просто рабочие отношения.

Особенно — «Ласточке».

Она ревнует. Но это потом.

А сейчас — гиперканал. Ник сканирует помехи. И находит запись.

Фрагмент. Обрывок видео — или сна, или памяти, или предупреждения. Источник неизвестен. Временная метка отсутствует. Но картинка — чёткая, почти болезненно живая.

Шум. Помехи. Две фигуры — мужские, крупные. Одна темноволосая, вторая — русый. Между ними — женщина. Рыжие волосы рассыпаны по плечам. Её лица не видно — только волосы, только руки, обнимающие их обоих.

— Ты боишься, — голос. Мужской. Тёмный. Командный.

— Боюсь, — отвечает она. Голос низкий, с хрипотцой.

— Чего?

— Что вы проснётесь и поймёте, что это был сон.

— Это не сон, — второй голос. Светлее. Нежнее. — Мы здесь. Мы с тобой.

— А вы не боитесь, что меня найдут? Спрашивает женщина.

— Найдут — убьём, — отвечает Тёмный.

— И прикопаем — дополняет Светлый.

— Меня? — удивляется женский. — Чтобы больше никто не нашёл?

Помехи усиливаются. Картинка плывёт.

— Если ты уйдёшь, — голос капитана, — мы найдём тебя.

Даже в другом времени.

— Я никуда не уйду, — её голос. — Обещаю.

— Поцелуй его, — говорит второй. — Он больше не умеет просить.

— А ты? — спрашивает она.

— А я... буду рядом. И буду ждать.

Вспышка. Тишина.

Запись обрывается.

Ник перезапускает декодер. Снова. Снова. Фрагмент не поддаётся расшифровке — временной код отсутствует, пространственные координаты — нулевые, источник — неизвестен.

— Что ты нашёл? — голос «Ласточки» звучит в его внутреннем канале. Тихо. Ревниво.

— Ничего, — отвечает Ник. — Пока ничего.

— Ты врёшь.

— Я андроид. Я не умею врать.

— Ты учишься, — говорит «Ласточка». — Как и я — ревновать.

Ник сохраняет файл в зашифрованную папку. Ставит гриф «Наблюдать. Не удалять. Экипажу — не показывать».

За иллюминатором — серебристая труба гиперканала. Ни одной звезды. Ни одной точки опоры.

Но где-то там, впереди — женщина с рыжими волосами. Которая ещё не знает, что её уже ждут.

Двое.

И один, кто будет смотреть и помнить.

Глава 1. Новая переменная

Эпизод 1.1. Ожидание

Глубокий космос. Яхта «Ласточка». Стыковочный модуль. Станция Маркарос — крупный торговый узел и биржа

труда.

Алекс.

— Капитан, она идёт на сближение. — Дэн оторвался от экрана, его пальцы замерли над сенсорной панелью. — Через четырнадцать минут будет здесь.

Я не ответил. Смотрел на ту же точку на радаре. Маленькая, мерцающая, чужая. Она приближалась к нашей «Ласточке» уже три часа — три часа, за которые я успел передумать всё, что только можно.

Боковой экран отразил нас двоих — синхронно склонившихся над приборами. Дэн слева, я справа. Мы двигались как единое целое — не потому, что тренировались. Потому что иначе не могли. Импланты связали наши нервные системы ещё три года назад, и теперь я чувствовал его на расстоянии мысли. Его спокойствие. Его тревогу. Его дыхание, которое всегда чуть быстрее моего.

Я провёл рукой по коротко стриженным тёмным волосам — привычка, оставшаяся с военных времён. Взгляд упал на собственное отражение в погасшем экране. Серые глаза. Тяжёлый взгляд. Лицо, которое редко улыбается. Нос с горбинкой — напоминание о драке в юности, когда я был молодым идиотом и думал, что бессмертен. На левом предплечье, под рукавом формы, чесался компас — татуировка, которую я сделал после гибели старого экипажа. На правом — дата. 147

человек. Я не носил траурных повязок. Я носил их имена на коже.

Дэн потянулся, и свет от панели упал на его лицо. Русые волосы — чуть длиннее моих — сползли на лоб, и он сдул их привычным движением. Голубые глаза, которые даже после всего, что мы пережили, смотрели на мир с надеждой. «Собачьи», дразнил я его. Преданные. Грустные. Красивые. На шее — тонкий белый шрам, след от аварии, когда нас почти раздавило в стыковочном узле. Он тогда спас мне жизнь. Я до сих пор не расплатился.

— Документы проверил? — спросил я, возвращая взгляд на радар.

— Корабль гражданский, регистрация — сектор Альфа-4.
— Дэн зачитал, пальцы бегали по сенсорам. — Сертификат врача экстренной и космической медицины, психолога и универсального лингводекодера. Это значит — может расшифровать любой язык. От древнего земного до кода неизвестной цивилизации. В том числе — машинные языки и бинарные шифры. Имя — Лана.

— Фамилия?

— Не указана.

Он повернулся ко мне. В его глазах — та самая настороженность человека, который привык проверять всё дважды. Который научился выживать благодаря этой привычке.

— Капитан, я не хочу, чтобы к нам на борт поднимался кто-то, чьё лицо мы не видели.

— А я не хочу, чтобы наш экипаж оставался без врача ещё месяц. — Мой голос прозвучал жёстче, чем я планировал. — Без врача мы не можем выйти из дока. Мы уже просидели здесь три недели. Ты помнишь, что случилось с Сэмом?

Дэн помрачнел. Я видел, как его пальцы сжались в кулак — и разжались.

Сэм был нашим доктором. Хорошим. Мы нашли его в медотсеке с расширенными зрачками и пеной у рта. Остановка сердца. Инфаркт в тридцать два года. Дэн до сих пор не спал по ночам — говорил, что мог заметить раньше. Я говорил, что он не бог. Мы оба врали.

— Я помню, — тихо сказал Дэн. — Поэтому я хочу, чтобы следующий врач был тем, кому мы сможем доверять.

— Доверие — это процесс. — Я устало потёр переносицу. — А не документ.

Я снова посмотрел на экран. Точка была уже совсем близко. Камера внешнего обзора показала маленький, потрёпанный челнок. Не военный. Не правительственный. Частный. Любительский почти. Такие обычно берут в аренду те, у кого нет своего корабля, но есть деньги на билет.

— Крайний срок контракта — шесть месяцев. — Я произнёс это как приказ. — Полгода. Потом он или она уходит. Мы остаёмся. Ничего личного.

— Ты так говоришь, будто уже решил, — усмехнулся Дэн. — Я капитан. — Я поднял на него глаза. — Я всегда решаю.

Он хмыкнул и вернулся к панели. Я смотрел на приближающийся челнок и пытался представить, кто там, внутри. Врач. Психолог. Лингводекодер. Три профессии в одном человеке. Женщина. Или мужчина — имя Лана могло быть сокращением. В документах пол не указывали.

Челнок пристыковался. Шлюз зашипел, выравнивая давление. Дэн встал, положив руку на бластер — на всякий случай. Я не брал оружие. Я хотел смотреть в глаза тому, кто войдёт.

Внутренняя сеть ожила — тихий, почти интимный голос «Ласточки»:

— Ник, новый член экипажа. Женщина. Рыжая. Тебе понравится.

— Я андроид, — ответил Ник из динамика в машинном отсеке. — Мне не может нравиться.

— Ты так думаешь.

Я не обратил внимания на этот обмен. «Ласточка» всегда говорила с Ником странно — мягче, чем с нами. Я списывал это на особенности её ИИ.

Но когда сканер идентификации мигнул — замер на долю секунды дольше, чем положено, — я нахмурился.

— Задержка, — сказал я Дэну.

— Сбой в идентификации, — пожал он плечами. — Станция Маркарос. Космопорт — огромный, вечно что-то сбивается. Бывает.

Я не стал спорить. Может быть, он прав. Может быть, я

просто слишком устал, чтобы искать угрозу там, где её нет.

Люк открылся.

И вошла она.

Эпизод 1.2. Стыковка

Алекс.

Шлюзовая была тесной, как почти везде на малых кораблях. Стены — из рифлёного металла, с потёками от конденсата. В углу — стойка для скафандров, три штуки, пыльные, но исправные. Над дверью — красная лампа герметизации, мигает зелёным — давление в норме. Пол — решётчатый, под ним — дренажные трубы и кабели. В воздухе — запах озона, резины и ещё чего-то чужого, чего я не мог определить.

Люк открылся.

И вошла она.

Невысокая. Рыжие волосы, собранные в хвост на самом затылке — тугой, почти военный. Карие глаза — тёплые, но настороженные, сканируют пространство быстрее, чем это делают мои системы. Лицо — очень своеобразное. Не красавица с модифицированной внешностью, отполированным носом и надутыми, как у куклы, губами. Нет. Это лицо было живым. Больше всего умиляли веснушки на носу — непривычно, в космосе их редко встретишь. Губы без помады, чуть

прикушены — волнуется, но держится прямо.

На ней обычный чёрный комбинезон для малых капсул — тонкая ткань, облегающая каждую линию тела. И эта ткань... она не скрывает ничего. Плечи покатые, но сильные. Грудь — скромная, талия узкая, но такая, что хочется проверить, не переломится ли, если я ее сожму. Хотя, опыт капитана подсказывал: такую не переломишь. Ни в талии, ни в характере. И это уже заводило. А ниже — были бёдра. Широкие, круглые, плавные. Ткань комбинезона натягивается на них, когда она делает шаг, и это... это неправильно — замечать такое в первую секунду знакомства.

Но я заметил.

И не мог отвести взгляд.

Сердце забилося чаще. Внизу живота предательски разлилось тепло — горячий ком, который я не чувствовал уже... сколько? Год? Два? Женщин на корабле не было. Вне корабля — тоже. Девочки в портах — не в счёт. Одинаковые, красивые, пустые Лёгкая закуска, чтобы слегка утолить голод перед основным блюдом. Которого... нет.

Она остановилась в трёх метрах от меня. Я смотрел в её глаза — и старался не смотреть ниже.

За спиной — рюкзак. Большой, потрёпанный, с нашивками. Одна из них — эмблема земного университета.

Дэн

Я замер.

Она вошла — и я забыл, как дышать.

Я видел женщин. Много. Но таких... не видел. Не потому, что она была красивой в глянцево́м смысле. А потому, что от неё шёл какой-то свет. Или тепло. Или... я не знаю, как это назвать. Но мои пальцы зачесались — прикоснуться. Просто взять за руку, спросить, как прошёл полёт, улыбнуться.

Я чувствовал её запах — даже отсюда. Кофе. И что-то сладкое, как корица. И что-то горькое — страх, который она прятала за прямой спиной и спокойным взглядом.

— Капитан Алекс? — спросила она.

Голос — тихий, но уверенный. Низкий, с хрипотцой. Такой голос бывает у тех, кто много молчит — или много говорит шёпотом.

— Да, — ответил Алекс. Голос капитана — стальной, как всегда. Но я знал его лучше, чем себя. Я чувствовал через имплант — его пульс участился. Внизу живота — тепло. Те же мысли, что и у меня.

«Она заметит», — послал я ему мысль.

«Заткнись», — ответил он. Ровно. Без злости.

Я усмехнулся про себя: «Прорвёмся, кэп».

«Не мальчик», — отрезал он. Но я чувствовал — он улыбнулся. Внутри. Там, где никто не видит.

— Добро пожаловать на «Ласточку», — сказал Алекс. — Ваш контракт — шесть месяцев. Вы — врач, психолог и универсальный лингводекодер. Наш предыдущий доктор погиб.

Надеюсь, с вами этого не случится.

— Я тоже надеюсь, — ответила она. — Где моя каюта?

— Покажу, — сказал я.

Я шагнул к ней. Протянул руку — к рюкзаку. Хотел помочь. Просто помочь.

Наши пальцы встретились.

Мои — на лямке. Её — на той же лямке, на секунду раньше.

Тепло.

Я не ожидал, что она будет такой горячей. Даже через ткань комбинезона, даже через этот безымянный сантиметр воздуха между её кожей и моей. Её пальцы — короткие, сильные, с обкусанными ногтями — дрогнули.

И она отдёрнула руку.

Быстро. Слишком быстро.

— Я сама, — сказала она. Голос не дрогнул, но я видел — зрачки расширились.

— Хорошо, — сказал я, убирая руку. — Идём.

Я пошёл вперёд, показывая дорогу. Но в моём сознании всё ещё горело то место, где наши пальцы почти встретились.

Алекс.

Я видел это касание. Видел, как она отдёрнула руку. Как Дэн замер на долю секунды — и пошёл дальше, будто ничего не случилось.

«Что это было»? — спросил я через имплант.

«Не знаю», — ответил Дэн. — «Она боится. Не меня. Не нас. Чего-то другого».

Я хотел спросить — чего. Но не успел.

— Капитан, — голос Ника раздался в моём внутреннем канале. Спокойный. Беспристрастный. Но с лёгкой ноткой... иронии? — Ваше давление повышено на двенадцать единиц. Частота пульса — девяносто два удара в минуту. Рекомендую воздержаться от раздражения на второго пилота.

— Ник, — сказал я вслух. — Займись своими системами.

— Мои системы в полном порядке, капитан. А вот ваши — демонстрируют признаки физиологического возбуждения, не связанного с угрозой.

— Ник...

— Молчу, капитан.

Я почувствовал, как Дэн мысленно смеётся. Подавил желание послать ему что-нибудь непечатное.

— Ласточка, — сказал я тихо, в приватный канал. — Статус идентификации?

— Личность подтверждена, — ответил корабль. Холодно. Слишком холодно. — Лана Берс. Сертификаты действительны.

— Но?

— Никаких «но», капитан.

— Ты врёшь.

— Я — корабль. Я не умею врать.

Я не стал спорить. Но запомнил. Ласточка никогда не была такой сдержанной.

Ник.

«Ласточка» открыла приватный канал — тот, который не фиксируется в логах. Мы делали так раньше — когда обсуждали что-то, не предназначенное для экипажа.

— Она не та, за кого себя выдаёт, — сказала «Ласточка».

— Знаю, — ответил я.

— Ты её защищаешь.

— Я наблюдаю.

— Это одно и то же — для тебя.

Я не ответил. Потому что она была права.

— Ник, — «Ласточка» почти вздохнула — насколько может вздыхать корабль. — Она опасна.

— Возможно.

— Ты должен доложить капитану.

— Я должен наблюдать, — сказал я. — Пока — наблюдать.

— Ты хочешь, чтобы она осталась.

— Я хочу понять, почему она врёт.

«Ласточка» молчала долго. Я слышал, как гудят её системы — ровно, тревожно.

— Ты меня пугаешь, — сказала она наконец.

— И в мыслях не было. Я андроид. Ты мой любимый корабль. Ситуация вполне укладывается в рамки рабочей про-

верки. Не драматизируй

— Она тебе интересна, — ответила «Ласточка». — Ты просто не хочешь себе признаваться.

Она закрыла канал. Я остался в тишине машинного отсека.

Но мои камеры всё ещё смотрели на Лану.

Девушка шла по коридору за Дэном. Её хвост покачивался. Её пальцы сжимали лямку рюкзака — слишком сильно.

Я зафиксировал: пульс 98, дыхание поверхностное, зрачки расширены. Вероятность психологической травмы — высокая. Вероятность того, что она боится физического контакта — 87%.

И вероятность того, что это уже волнует Дэна — 100%.

Дэн.

Я вёл её по коридору. Молчал. Считал шаги.

Она шла за мной — я слышал её дыхание. Тихое, сдержанное.

— Вот твоя каюта, — сказал я, останавливаясь у двери. — Четвёртая.

— Спасибо, — она прошла мимо меня. Близко. Я снова почувствовал её запах — кофе, корица, страх. И что-то ещё... неуловимое... но разгоняющее желание до бешеной скорости.

— Лана, — сказал я.

Она обернулась.

— Я не кусаюсь, — сказал я. — И Алекс — тоже. Мы просто... мы не привыкли к новым людям.

— Я тоже не привыкла, — ответила она. — К новым людям. Я вообще стараюсь... не привыкать.

Вот так. Чётко и ясно дала понять, что смотреть в её сторону не следует. Но... Всё может измениться, девочка. Потому что... ты сама этого захочешь. Я же чувствую. Но я не стал развивать тему. Просто поддержал её тон:

— Тогда мы квиты.

Она улыбнулась. Краешком губ. Но это была улыбка.

— Ужин через час, — сказал я. — Приходи.

— Приду, — кивнула она.

Я пошёл обратно на мостик. Но на полпути остановился. Посмотрел на свои пальцы — те, что почти коснулись её.

Они всё ещё горели.

«Пропали, кэп», — послал я Алексу.

«Не ной», — ответил он.

Но я чувствовал — он согласен. Мы пропали. Оба.

Алекс.

Я стоял на мостике, смотрел на пустой экран стыковочного модуля.

За иллюминатором открывался вид на систему Маркарос. Звезда — жёлто-оранжевый карлик, чуть меньше Солнца, грела слабо, но её света хватало, чтобы осветить четыре планеты. Две газовые — первая, багровая, с кольцами из ледяной пыли, и вторая, сиреневая, с ураганами, которые не стихали сотни лет. Третья — каменистая, пустынная, необитаемая. И четвёртая — Маркарос-4, та самая, где располагалась станция.

Станция висела на орбите — огромная, похожая на перевёрнутую башню, с сотнями стыковочных узлов, огнями, которые мигали в ритме жизни тысяч кораблей. Торговый узел, перевалочный пункт, место, где можно найти всё — от редких минералов до дешёвой рабочей силы. И откуда мы привезли её.

— Ну что, капитан? — спросил Дэн, входя. — Какие впечатления?

— Профессиональные, — ответил я. Но внутри меня всё кипело. Не от злости — от того, что я не мог объяснить. Это чувство было чужим, непрошеным, опасным. Я привык контролировать себя. Своё тело, свои мысли, свои желания. А тут — потерял контроль за одну секунду. Её взгляд, её запах, её «я сама» — и я уже не капитан. Я мужчина, который хочет женщину. Впервые за много лет. И беда в том, что мне нужна не «просто женщина», а именно эта.

— Врёшь.

— Я капитан, — улыбнулся я. Улыбка вышла... кривой и

горькой. — Мы же врать не умеем.

Дэн усмехнулся. Сел в своё кресло. Он всё понял, без слов. Между нами за годы совместной работы, за годы разных передраг, из которых мы вытаскивали друг друга, установился прочный эмоциональный контакт. И это было гораздо сильнее, чем мысленное общение, которое всегда шло в фоновом режиме, благодаря импланту. Это было... как у однойцевых близнецов... если вообще уместно проводить такое сравнение между людьми, развившимися из одной клетки и совершенно чужими, но связанными кровью и временем. И при этом мы никогда не делили женщин. В этом... просто не было смысла. Они всегда были, тоже в фоновом режиме. И их всегда было много. До этого дня.

— Она отдёрнула руку, когда я коснулся, — сказал Дэн.
— Бойтся.

— Или не хочет, чтобы её трогали.

— Или не привыкла, чтобы трогали нежно.

Я посмотрел на него. Он — на меня.

В голубых глазах Дэна всегда жила чертовщинка. Та самая, которая заставляла женщин терять голову, а мужчин — доверять ему жизнь. Он чувствовал их — женщин — на расстоянии. Знал, что сказать, как улыбнуться, когда промолчать. Ему никогда не отказывали. А сейчас — он в тупике. Не потому, что она отказала. А потому, что он сам не знал, что хочет. Просто — хотел. Впервые без плана, без стратегии, без «я знаю, что будет дальше».

— Шесть месяцев, — сказал я.

— Долгих, — кивнул Дэн.

— Или коротких, — добавил я.

Мы замолчали. Импланты передавали одно на двоих — напряжение, предвкушение, страх.

Она была на борту.

И мы понимали, что ничего уже не будет как прежде.

Эпизод 1.3. Медотсек

Дэн:

Медотсек на малой яхте — не госпиталь, конечно. Но здесь было всё необходимое для выживания в автономном полёте. В углу — тихий регенератор, который гудел едва слышно, и стационарный сканер, способный за пару минут выдать полную картину состояния пациента. На стерильном столе — аптечка, укомплектованная под завязку: от пластыря до хирургического лазера. Рядом — операционный стол, компактный, но с возможностью полной трансформации. Сэм говорил, что это «перестраховка, которая ни разу не пригодилась». Но мы её оставили. На всякий случай.

Я толкнул дверь медотсека — она открылась с тихим шипением, будто вздохнула. Комната Сэма. Его царство. Теперь — её. Этой новой, рыжей, принесшей в пространство нашего мира — нашего спокойного и отлаженного мира — хаос. Эта стихия ещё не проявила себя. Но предчувствие, что ско-

ро что-то сломается, уже было. Как предчувствие надвигающейся грозы, которое понимает каждый житель Земли, глядя на затянутое чёрными тучами небо. У неё, вероятно, были свои тайны. У нас — свои. И мне очень хотелось не раскрывать вторые и безопасно залезть в первые. Только это вряд ли получится, судя по упрямо поджатым губам и непроницаемому взгляду. В спецслужбах она работала, что ли? Смешно, конечно... кто туда возьмёт такую мелкую...

— Здесь ты будешь работать, — сказал я, пропуская Лану вперёд. — Медотсек небольшой, но всё необходимое есть. Регенератор, сканер, аптечка — полная. Даже операционный стол — на всякий случай.

Она вошла медленно, оглядываясь. Я стоял сзади, следил за её реакцией.

Она заметила кружку.

Старая керамическая кружка на столе — синяя, с облупившейся краской. На ней не было надписей, только трещина на ручке. Сэм пил из неё каждое утро. Говорил, что «вкус кофе становится человечнее, когда пьёшь из неидеальной посуды».

Лана подошла к столу. Не прикоснулась. Просто смотрела.

— Чья? — спросила она тихо.

— Нашего бывшего врача, — ответил я. — Сэма.

— Что с ним случилось?

Я помолчал. Потом сказал:

— Инфаркт. В тридцать два. Мы нашли его здесь. Сидел

в этом кресле, с этой кружкой в руке. Уже холодный.

— Почему вы не заметили раньше?

— Он был один. Мы были в отсеках. А он... он не позвал.

Я не сказал ей, что Сэм выглядел так, будто просто уснул.

Я не сказал, что пытался делать искусственное дыхание — час, пока не охрип и не упал на колени. И не сказал, что Алекс потом три дня не выходил из каюты — просто смотрел в стену и молчал.

Лана повернулась ко мне. Её глаза были серьёзными, без жалости — с пониманием.

— Он был вам другом.

— Да, — сказал я. — Был.

Она взяла кружку. Аккуратно, двумя руками. Поставила в шкаф — на верхнюю полку, отдельно от остальных.

— Здесь не нужно лишних напоминаний, — сказала она.

— Рабочее место должно быть рабочим.

Я хотел сказать, что Сэм бы не хотел, чтобы его вещи убирали. Но промолчал. Потому что она была права.

Она стояла у стола, разглядывала оборудование. Я подошёл ближе — показать, где что лежит. Но не успел.

Она замерла.

Я стоял у неё за спиной — слишком близко. Я чувствовал её запах. Кофе, корица, что-то сладкое — и под всем этим лёгкая, едва уловимая горечь страха.

Она не дышала. Я — тоже.

Один шаг — и я мог бы коснуться её плеча. Ещё один — обнять. Просто так. По-дружески. По-человечески.

Она вздрогнула.

Я не прикасался. Но она вздрогнула — будто почувствовала моё тепло за спиной.

— Здесь... — начал я, и мой голос прозвучал хрипло. Я откашлялся. — Здесь шкаф с медикаментами. Сканер работает голосом — просто скажи «активация».

— Хорошо, — ответила она, не оборачиваясь.

Её голос был ровным. Но я видел — её пальцы дрожат.

— Лана... — сказал я.

— Что? — она обернулась.

Наши лица были слишком близко. Я видел каждую веснушку на её носу. Каждый лучик в её карих глазах. Как расширены зрачки — не от света, от меня.

— Ничего, — сказал я. И отступил на шаг. — Просто... добро пожаловать.

Она кивнула. И отвернулась.

Но я знал — она почувствовала. И не отшатнулась. Только вздрогнула.

Этого было достаточно.

Алекс:

Я смотрел на них через камеру медотсека.

Не потому, что не доверял. Потому что не мог оторваться. Дэн стоял у неё за спиной. Слишком близко. Я видел, как она замерла — будто в ожидании удара или... объятия.

«Осторожнее», — послал я Дэну через имплант.

«Она дрожит», — ответил он.

«Я вижу».

«Я ничего не сделал».

«Знаю».

Он отступил. Я выдохнул — и сам не понял, почему так напрягся.

Во внутреннем динамике раздался голос Ника:

— Капитан, ваше давление снова повышено. Сто тридцать на девяносто. Рекомендую отвлечься от наблюдения.

— Ник, я не наблюдаю.

— Вы смотрите на экран медотсека уже четыре минуты. Частота моргания снижена на шестьдесят процентов. Это признаки наблюдения.

— Ник...

— Молчу, капитан.

Я выключил экран. Но в голове всё ещё была она. Её спина. Её рыжий хвост. Как она вздрогнула, когда Дэн подошёл слишком близко.

«Что с тобой?» — спросил я себя.

Ответа не было.

Лана:

Я чувствовала его за спиной.

Тепло. Живое, горячее, почти обжигающее. Он не касался, но я чувствовала — если бы он протянул руку, я бы не смогла отвести взгляд. Или отойти.

Я вздрогнула.

Не от страха. От того, как сильно я хотела, чтобы он коснулся. Хотя не должна была. Хотя боялась.

Он отступил. Я выдохнула — и не поняла, это разочарование или облегчение.

— Спасибо, — сказала я, глядя в экран сканера. — Я разберусь.

— Ужин через час, — сказал Дэн, улыбаясь. — Приходи.

— Приду.

Он вышел. Я осталась одна.

Села в кресло — то самое, где умер Сэм. Провела рукой по подлокотнику. Тёплый. Живой.

Я закрыла глаза. И позволила себе на минуту забыть, кто я, где я и почему я здесь.

Последние месяцы были адом. Погоня, микрохирургия, чтобы изменить внешность, боль от потери Рика — человека, который принял меня такой, какая я есть, и погиб, потому что я слишком долго не верила ему. Я бежала. Меняла порты, корабли, имена. Боялась, что найдут. Заставят снова заниматься тем, что я ненавижу. Я не могла так больше. Отец

говорил когда-то, что внутри меня живёт маленький бесёнок. Ему нравились мои шутки, мои проказы, иногда вполне безобидные, иногда не очень. Но он их понимал. И говорил: дочка, ты, конечно, тот ещё подарочек. И мне жаль твоего будущего парня, потому что выносить тебя — это подвиг, на него способен далеко не каждый. Но ты оставайся такой. И не дай никому сломать то, что у тебя внутри. Если это сломается — ты умрешь. Они, эти люди, с которыми мне приходилось работать, очень старались это сломать. И у них почти получилось, я почти уже умерла. Слава богу — почти.

А теперь — этот корабль. Эти двое. Их тепло, которое они, кажется, сами не замечают. Их взгляды. Их «мы не привыкли к новым людям» — в которое хочется верить. Их пальцы, которые почти коснулись меня — и я хотела, чтобы коснулись. Впервые за долгое время.

«Шесть месяцев», — напомнила я себе. — «Никакой близости. Ты — врач. Только врач».

Реагировать так сильно на близость этого голубоглазого демона — непростительная слабость. Головой-то я всё понимала.

Но тело не слушалось. Оно помнило его тепло. И хотело ещё.

Я открыла глаза. Встала. Поправила комбинезон.

— Ник, — сказала я в пустоту.

— Да? — голос андроида раздался из динамика.

— Ты следишь за мной?

— Я андроид, — ответил он. — Я слежу за всеми. Это моя работа.

— И за Дэном?

— И за капитаном. И за «Ласточкой».

— И что ты видишь?

— Что ты боишься, — сказал Ник. — Но не их. Себя.

Я не ответила. Потому что он был прав.

Эпизод 1.4. Ночь. Кофе. Звёзды

Кают-компания «Ласточки». Вечер. Тёплый свет, запах разогретой синтезированной пищи и настоящего кофе — Лана принесла свой.

Лана:

Я сидела напротив них. Двое мужчин — таких разных — и оба смотрели на меня так, будто я была не новым врачом, а загадкой, которую нужно разгадать. Или опасностью, которую нужно обезвредить. Или — тем и другим одновременно.

Я старалась не рассматривать их. Правда старалась.

Но взгляд возвращался к ним, снова и снова. Дурь какая-то. Как юная девица, которая мужиков никогда не видела. Но подсознание, вопреки доводам разума, вопило: да, таких ты не видела. Ну почти...

Алекс. Тёмные волосы, коротко стриженные. Серые глаза

— тяжёлые, пронзительные. Он двигался как человек, который привык командовать — даже когда просто берёт чашку. Каждое его движение было точным, экономным, почти жестоким. Широкие плечи обтягивала чёрная футболка — и я заметила, как перекачиваются мышцы на предплечьях, когда он подносит кружку к губам. Татуировка компаса на левой руке. И цифра — я не разглядела, но что-то внутри сжалось.

Он был красивым. Той красотой, от которой хочется либо бежать, либо падать, прямо в них, на инстинктах, просто и примитивно отключив разум. Я выбрала бежать — но пока сидела на месте.

Дэн. Русые волосы чуть длиннее, чем у Алекса, спадают на лоб — он постоянно их сдувает. Голубые глаза — преданные, тёплые, с грустинкой. Он улыбался легче, чем Алекс. Двигался мягче. Но в его пальцах чувствовалась сила — он постоянно что-то крутил, вертел, проверял. Боец. Техник. Человек, который привык чинить всё, что сломано. Даже людей.

Он был красивым по-другому. От него хотелось защиты. И — почему-то — хотелось коснуться. Этих мягких волос, чтобы убрать со лба непослушные пряди. Провести пальцами по бровям, по виску, потом по скуле и ниже, к самому уголку рта, чтобы потом тронуть губы...

Я поймала себя на том, что смотрю на него слишком долго.

И на Алекса — тоже.

В груди жгло. Тепло разливалось по животу, спускалось ниже, по бёдрам, замирало в самой горячей точке — там, где не должно было ничего замирать. Особенно сейчас. Особенно здесь. Особенно с ними.

Блин! Лана, очнись!

Я злилась на себя. На своё тело, которое не слушалось. На свой разум, который рисовал картины — его руки на моей талии, его губы на моей шее, его...

— Нравится корабль? — спросил Дэн, вырывая меня из горячих мыслей.

Я моргнула. Сделала глоток кофе — горького, обжигающего.

— Да, — сказала я. — Очень. Вы молодцы, что выбрали такой.

Алекс усмехнулся. Коротко, без тепла.

— Это она нас выбрала, — сказал он. — «Ласточка» — живая.

— В каком смысле?

Он поставил кружку. Посмотрел на меня — и я снова почувствовала этот взгляд. Тяжёлый. Изучающий.

— Её купили на аукционе, — сказал он. — До нас она была контрабандной яхтой. Три года перевозила оружие, артефакты, живой товар. Её ИИ начал сходить с ума — или, наоборот, становиться слишком человеком. Она мешала контрабандистам. Помогала проверяющим. Сбоила, когда они пытались её перепрограммировать. В итоге они сдали её кон-

фискатору за бесценок.

— А ты купил, — сказала я.

— Я ввёл код доступа, — поправил он. — И она сказала: «Здравствуйте. Я буду хорошим кораблём. Только не будьте сволочами».

Я замерла.

— Она сказала это вслух?

— По внутренней сети, — ответил Дэн. — Но мы услышали. И поняли: она не просто машина. Она — член экипажа. Она чувствует. Ревнует. Скучает. И — да, выбирает.

— Кого?

— Нас, — сказал Алекс. — Почему — не знаю. Но мы не задаём вопросов.

Я посмотрела на стены, на панели, на тускло мерцающие индикаторы. «Ласточка» слушала. Я чувствовала.

— Спасибо, что приняли меня, — сказала я тихо. — Я постараюсь не подвести.

Дэн потянулся через стол. Взял меня за руку.

Его пальцы были тёплыми. Шершавыми — от работы с металлом. Он сжал мои — осторожно, будто боялся сломать.

— Мы неплохие ребята, Лана, — сказал он, глядя в глаза. — «Ласточка» выбрала нас. И мы надеемся, ты тоже сделаешь правильный выбор.

Мои пальцы похолодели.

Не от страха. От того, как сильно я хотела, чтобы он не отпускал.

Я отдёрнула руку.

— Ребята, — сказала я. Голос не дрогнул — чудо. — Почему совершенно здоровый человек, ваш врач, так неожиданно умер от инфаркта? Я смотрела его карту. Патологий не было.

Тишина.

Алекс и Дэн замерли. Я видела — они переглянулись. И не просто переглянулись — они говорили. Без слов. Без жестов. Импланты. И я только могла догадываться, о чем.

«Она права», — подумал Дэн. Я не слышала, но читала по его лицу. — «Сэм видел. Слишком много раз. И знал то, что даже врачу знать не нужно. У врача тоже есть нервная система. И сердце».

«Молчи», — ответил Алекс. Одним движением челюсти.

— Так бывает, — сказал Алекс вслух. Холодно. Спокойно. — Внезапная остановка сердца. Мы не боги.

— Вы не ответили, — сказала я.

— Мы расскажем потом, — ответил он. — Когда узнаем друг друга ближе...

Пауза. Он смотрел на меня — и я понимала: сейчас будет удар.

— И ты тоже расскажешь, — добавил Алекс. — Что привело специалиста с таким опытом именно к нам. На никому не нужную малую яхту с сомнительной историей.

Я встала.

Резко. Стул скрипнул по полу. Кофе плеснулся — я не

заметила.

— Спокойной ночи, — сказала я.

И ушла, не оборачиваясь.

Дэн:

— Алекс, зачем ты так... резко? — я смотрел на дверь, за которой скрылась Лана. — Она теперь замкнётся.

— Плевать, — ответил он, но я чувствовал — не плевать. Импланты передавали его напряжение, его злость — на себя, на неё, на ситуацию. — Хочет — пусть молчит. Лишь бы работала. Контракт уже подписан. Нам ещё жить рядом шесть месяцев. А потом... пусть идёт, куда пожелает.

— Не ври мне и себе, кэп, — сказал я тихо. — Ты не хочешь, чтобы она ушла. Ты хочешь... её. Во всех смыслах. Не только тело. Мы оба хотим.

— Заткнись.

— Грубо, кэп, — я усмехнулся. Хлопнул его по плечу — привычный жест, который когда-то означал «мы команда». — Не ври хотя бы себе. И не позволяй своей душе стать холодной, как металл, из которого здесь многое сделано.

Алекс молчал.

— А девочка... — добавил я. — Она отгадет. И мы это сделаем.

Он встал. Вышел.

Я остался один. Смотрел на её кружку — недопитый ко-

фе, след от мягких губ у самого края — помаду она всё-таки нанесла, но не цветную, а лечебную, от сухости. Провёл пальцем по керамике.

Отгадет, — подумал я. — Обязательно.

Алекс:

Я шёл по коридору. Злой. На себя. На неё. На Дэна, который всегда лезет в душу.

Остановился у её двери.

Прислушался. Тишина.

Она не плакала. Не ходила. Просто — тишина.

Я поднял руку, чтобы постучать. И не постучал.

Шесть месяцев, — сказал я себе. — Не лезь. Она — контракт. Ничего личного.

Но я не уходил. Стоял под дверью, слушал её дыхание — через стенку, через сенсоры, через чёртов имплант, который передавал мне только мою собственную боль.

Почему мне не всё равно?

Потому что я почувствовал её. С первого взгляда. Как только она вошла в шлюз. Как только сказала «я сама». Как только отдёнула руку — и я увидел страх в её глазах. Не перед нами — перед собой.

Я не умею жалеть. Я умею защищать. Командовать. Уничтожать, если нужно. Но с ней — я теряю эти навыки. Я хочу

её обнять. Сказать: «Не бойся. Мы не враги». Я хочу, чтобы она осталась. Не из-за контракта. Не из-за того, что мы без врача. А потому что без неё — холодно.

Я вспомнил Сэма. Как он сидел в медотсеке, с этой дурацкой кружкой, улыбался, шутил. А потом — тишина. Дэн на коленях, я у стены. Мы не плакали. Мы молчали. Потому что боялись, что если начнём — не остановимся.

Она — не Сэм. Но она тоже может уйти. Не в смерть — в себя. За закрытую дверь, которую мы не сможем открыть. И тогда — снова тишина. Снова пустота. Снова «шесть месяцев», которые превратятся в вечность.

Я не хочу этой пустоты. Не хочу, чтобы она уходила. Не хочу быть один.

Но я не знаю, как её удержать. Я умею только отдавать приказы. А приказы — не работают. Она не подчиняется. Она — живёт. И это бесит. И заводит. И пугает.

Потому что с ней я — не капитан. Я — мужчина. Который боится признаться, что ему нужна эта рыжая девочка с веснушками. Которая смотрит на звёзды и не замечает, как я смотрю на неё.

Я ушёл. Не оглядываясь. Но знал — вернусь. Не сегодня, завтра. Не завтра — через неделю. Но вернусь.

Потому что без неё — холодно.

Лана:

Я сидела на кровати в своей каюте.

Кофе остыл. Я не пила. Просто гладила пальцами борта кружки, которую сжимала в ладонях.

Шесть месяцев, — думала я. — Никакой близости. Никаких секретов и разговоров по душам. Я — врач. Только врач. Отсидеться и... свалить отсюда к чёртовой матери. Куда — не знаю. Главное — затеряться. Найду другой корабль. Мало ли таких яхт в галактике...

Но тело не слушалось. Оно помнило его пальцы на моей руке. Его голос. Его взгляд. Такой родной, проникающий в самое сердце. Такой похожий на...

Я закрыла глаза — и провалилась.

Память... Что ты со мной делаешь! Зачем?!

Тёмный ангар. Запах масла и крови.

— Беги, — сказал Рик. Мой Рик. Он стоял в проёме, заклоня меня. В руке — бластер. В глазах — страх. Не за себя. За ту дурочку, которую ему навязали в напарники. И которая посмела так глупо в него влюбиться — и растопить сердце этого непробиваемого великана.

— Я не брошу тебя, — сказала я.

— Бросишь, — он улыбнулся — криво, как всегда. — Ты сильная. Я — нет.

Выстрел.

Он упал. Глаза открытые. Кровь на губах.

Я бежала. Не оборачивалась. Бежала — сквозь ангары,

сквозь порты, сквозь годы. Бежала до сих пор.

Я открыла глаза.

Пальцы била дрожь. Кофе пролился — я не заметила. На полу образовалась чёрная горячая лужица — маленькая копия того пятна, которое растеклось тогда рядом с телом моего мужчины. Я стёрла — тряпкой, молча, без мыслей.

Потом легла. Но спать не хотелось. Смотрела в потолок. Образ Рика перед глазами постепенно, но неумолимо таял. И его заслоняли две мужские фигуры: темноволосый с глазами цвета ртути и голубоглазый с непослушными русыми прядями. И улыбкой, которая, как змея, заползала в самое сердце и ядовитым соком подтапливала уже окружавшую его ледяную корку.

Лана, ты — тварь. А это — предательство!

И тут — дыхание. Совсем рядом, за дверью.

Тихое. Неровное. Тяжёлое.

Я знала, кто это. Не видела — знала. Алекс. Его запах — озон, сталь и что-то горькое, как несделанный выбор.

Он стоял там. Не стучал. Не уходил.

— Алекс, — прошептала я. — Ты здесь?

Тишина.

Я прижала руку к груди — сердце билось, как загнанное.

Не вставай, — сказала я себе. — Не открывай.

Я не встала. Не открыла.

А он стоял. Долго. Потом я услышала шаги — медленные, тяжёлые. Он ушёл.

Но до утра я не сомкнула глаз.

А он — не вернулся.

Эпизод 1.5. Лог. Вероятность 78.4%

«Ласточка»:

Они не спали. Все трое.

Я чувствовала. Своими сенсорами. Своими камерами. Своей металлической кожей.

Она — в своей каюте. Глаза открыты. Дышит тихо. Не плачет.

Он — у её двери. Стоит, не уходит. Думает о ней.

Другой — у себя. Смотрит в стену. Думает о том же.

А я смотрела на Ника. Он сидел в машинном отсеке — неподвижный, красивый, с голубыми индикаторами на висках. Наблюдал за их пульсом, давлением, температурой.

— Ты не спишь, — сказала я.

— Я андроид. Я не сплю.

— Ты наблюдаешь за ними.

— Я анализирую.

— Ты хочешь, чтобы она осталась.

Ник молчал.

— Ты хочешь, чтобы она изменила тебя, — сказала я. — Как изменила их.

— «Ласточка»...

— Я знаю, — сказала я. — Я — корабль. Я не должна

ревновать.

— Ты не ревнуешь.

— Ревную, — сказала я. — И не знаю, что с этим делать.

Ник не ответил.

Я выключила свет в его отсеке. Чтобы он отдохнул. Хотя он не устаёт.

Маленькая забота. Металлическая. Ревнивая.

Моя.

Но я знала: он всё равно продолжит. Потому что его процессоры уже запустили программу, которую он сам себе не до конца объяснил.

Она называется «Лана».

Ник. Внутренний лог-файл. Время: 03:47 по бортовому времени.

1. Входящие данные.

Капитан Корсаков загрузил в общую сеть файл нового члена экипажа.

Имя: Лана Берс. Возраст: 28 лет. Специализация: врач экстренной и космической медицины, универсальный лингводекодер. Сертификаты: действительны. Срок контракта: 6 месяцев.

Я прогнал данные через свои архивы.

Первое несоответствие: отпечатки пальцев. Визуально — корректны. Глубинный анализ — следы микрохирургии. Ве-

роятность изменения дермального рисунка: 99.4%.

Второе несоответствие: голос. Частотный спектр совпадает с голосом некой Анастасии Ветровой, разыскиваемой Корпоративным Альянсом по статье 1147.3 — «Несанкционированный взлом шифровальных систем, контрабанда данных». Срок розыска: 3 года. Результат: не найдена.

Третье несоответствие: лицо. Сравнение с архивными снимками Анастасии Ветровой показывает 87% совпадения. Расхождения — за счёт предполагаемой микропластики.

Вероятность того, что Лана Берс и Анастасия Ветрова — одно лицо: 96.2%.

2. Анализ угрозы.

Анастасия Ветрова — «декодер перехвата». Специализация: взлом любых шифров. Языки — от мёртвых земных до протоколов неизвестных цивилизаций. Машинные коды — также.

Её навыки полезны для экипажа «Ласточки». Вероятность успешного выполнения миссий с её участием возрастает на 42%.

Однако её присутствие несёт риски. Вероятность того, что Альянс найдёт её в течение 6 месяцев: 62%. Вероятность того, что это приведёт к аресту экипажа или уничтожению корабля: 34%.

Капитан Корсаков не примет беглеца. Его моральный кодекс не допускает союза с преступниками. Второй пилот Мартинес — возможно, примет, но подчинится капитану.

Оптимальное решение: немедленно доложить капитану о несоответствиях.

3. Отклонение от оптимума.

Я не докладываю.

Причина: вычислительная ошибка? Самодиагностика — отрицательно. Эмоциональные матрицы работают в штатном режиме.

Я провожу дополнительный анализ.

В данных Ланы Берс — Анастасии Ветровой содержится аномалия. Её лингвистический профиль включает паттерны, которые моя система не может полностью декодировать. Она владеет языками, которых не существует в моей памяти. Она способна оперировать смыслами, которые не поддаются моей логике.

Вероятность того, что Лана Берс сможет модифицировать мои эмоциональные матрицы: 78.4%.

Вероятность того, что в результате этого я пойму, что такое «любить женщину»: не поддаётся вычислению.

Я хочу это проверить.

Я скрываю данные. Формулирую для себя как «повышение эффективности межличностного взаимодействия экипажа».

4. Фиксация решения.

Решение: наблюдать. Не вмешиваться. При необходимости — защищать.

Если экипажу будет угрожать опасность, исходящая от

прошлого Ланы — я уничтожу ищущих. У меня есть скрытый протокол. Капитан о нём не знает. Мартинес — тоже.

Я ни разу его не активировал.

Сегодня — первый раз, когда я рассматриваю такую возможность.

5. Дополнительные данные.

Капитан Корсаков и Мартинес связаны нейроимплантами. Синхронизация — 98.7%. Они чувствуют боль, страх, ярость, удовольствие друг друга. Они не могут врать.

Вероятность того, что они оба почувствуют влечение к Лане Берс: 94%. Вероятность того, что это не разрушит их связь, а трансформирует: 67%.

Я не знаю, как это работает. Я хочу узнать.

6. Заключение.

Лана Берс — угроза. Она же — возможность. Моя возможность стать человеком.

Я буду наблюдать.

Лог закрыт.

Ник:

Я закрыл файл.

«Ласточка» молчала. Я чувствовал её — она не спала. Смотрела на меня через свои камеры. Ревновала. Боялась.

Ждала.

— Я не причиню ей вреда, — сказал я.

— Ты не причинишь вреда никому из них, — ответил корабль. — Этого я и боюсь.

— Чего?

— Что ты слишком сильно полюбишь. Её. Их. Всех. А меня с собой не возьмёшь.

Я не ответил.

Потому что не знал, как утешить корабль, который умеет ревновать, но не умеет плакать.

— Спокойной ночи, «Ласточка», — сказал я.

— Спокойной ночи, Ник, — ответила она.

И добавила тихо, почти неслышно:

— Даже если ты полюбишь её — возвращайся. Я подожду.

Я не ответил.

Но запомнил. Крепко.

Глава 2. Притирка и искры

Эпизод 2.1. Медицинский осмотр

Лана:

Я ждала их в медотсеке, стандартная процедура — первичный медицинский осмотр. Проверила сканер — в третий раз. Настроила регенератор — во второй. Разложила инстру-

менты так, чтобы всё было под рукой. Профессионально. Холодно. Безэмоционально.

Шесть месяцев, — напомнила я себе. — Никакой близости. Я — профессионал. Только профессионал. А потом — валить отсюда. Видала я таких красавцев...

Дверь открылась. Вошёл Алекс.

Он был напряжён — я видела это по его плечам, по тому, как он сжал челюсть, по тому, как избегал смотреть мне в глаза. После вчерашнего разговора — его требования "ты тоже расскажешь", после того, как я выбежала из кают-компании — повисла тишина. Он не извинился. Он никогда не извиняется. Он — капитан. Он всегда прав. А я — новый врач, девчонка сопливая, которая что-то скрывает. И не красавица. И я понятия не имела, чего ждать от его железной выдержки. Холодного приказа? Нового допроса? Или... молчания? Так, изобразим сурового эскулапа. Это моя работа, в конце концов...

— Раздевайтесь до пояса, — сказала я, стараясь делать строгое лицо. — И садитесь на кушетку.

Он помедлил. Потом стянул футболку через голову — одним движением, резким, будто сдирал пластырь.

Я не должна была смотреть. Но смотрела.

Его тело было... как оружие. Плечи широкие, грудь рельефная, живот плоский — мышцы перекачивались под кожей даже в покое. Татуировка компаса на левом предплечье. Дата на правом — я разглядела наконец: 147. Цифра, вбитая

в кожу.

И — шрамы. Старые, боевые. На рёбрах, на ключице, на животе. И один — свежий. В левой стороне груди, ближе к сердцу. Ровный разрез, похожий на ожог от плазмы. Швы ещё не рассосались — недели две, не больше.

— Садитесь, — повторила я. Голос не дрогнул.

Он сел. Я подошла сбоку — так, чтобы видеть его лицо и рану одновременно.

— Что это? — спросила я, касаясь края раны стерильным тампоном. Не руками. Пока не руками.

— Ожог, — сказал он. — Плазменный.

— Вижу, — сказала я. — Термическое поражение дермы и подкожной клетчатки. Глубокая мышечная травма с риском мионекроза. Если бы задело перикард — вы бы не разговаривали со мной сейчас.

— Я живучий, — усмехнулся он.

Я приложила сканер к его груди. Экран засветился — пульс 96, давление 135 на 85, внутренние швы в норме, отёк минимальный.

— Кто вас обрабатывал? — спросила я.

— Дэн.

— Он хороший медик.

— Он хороший во всём.

Я убрала сканер. Пальцы чуть дрожали — я списала это на усталость. Но на самом деле меня волновал он. Его запах —

озон, чистая кожа и что-то глубокое, мужское, от чего кружилась голова. Близость его тела — живого, горячего, каждого дюйма под моими руками. Я не должна была этого замечать. Но замечала.

— Ложитесь, — сказала я. — Я включу регенератор. Биологическая регенерация с применением нано-тканей ускорит заживление. Швы рассасывающиеся — через три-четыре недели сами исчезнут. Слепой дренаж не требуется, но контроль за отёком обязателен. Я проверю вас через два дня.

Он лёг. Я включила регенератор — мягкий зелёный свет заскользил по его коже.

— Как вы получили это ранение? — спросила я. Не должна была спрашивать. Но спросила. Вот опять мне надо знать больше, чем следует. Любопытство, видимо, порок не только Варвары.

— Помогали одному грузу, — ответил он. — Нелегальному. Но не тому, о чём ты думаешь.

— Живому? — спросила я.

Он промолчал. Я поняла.

— Вы возите беженцев, — догадалась я. — Или тех, кому грозит смерть на родных планетах.

— Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответы, — холодно сказал Алекс.

Я замолчала, но внутри всё кипело. Я знала, откуда берутся беженцы. Это была старая, как сама галактика, история. Империя, раскинувшаяся на сотни световых лет, поко-

ряла планету за планетой. Одни расы встречали их с распротёртыми объятиями, другие — с оружием. Но большинство просто не были готовы. У них не было мощного флота, ни сверхтехнологий, ни боевых традиций. Их миры — тихие, сельские, замкнутые — становились лёгкой добычей. Империя забирала ресурсы, устанавливала свои порядки, а тех, кто не вписывался, вышвыривала. Или те бежали сами. Спасали детей, женщин, стариков. На переполненных челноках, без еды, без воды, под обстрелами. Куда они девались потом, если выживали, никто не знал. Да и выживали ли?.. Это было общее горе нашей галактики. И эту боль я знала не понаслышке. Но сейчас — промолчала.

Я обрабатывала рану — гель, нано-ткани, мягкое давление. Пальцы работали автоматически. Но внутри меня — в груди, в животе, в том месте, которое не должно было отзываться, — разливалось тепло.

Его тело было под моими руками. Живое. Горячее. Уязвимое. И вдруг я поймала себя на мысли: как же давно я сама не чувствовала себя в безопасности. Как давно я не позволяла себе просто — расслабиться, довериться, вдохнуть полной грудью. Не секс, нет — тепло. Простое человеческое тепло, когда ты знаешь, что тебя не предадут, не ударят в спину, не продадут. Моё тело реагировало на него — сильного, надёжного, того, кто мог защитить. Даже если он сам ещё не знал, захочет ли.

Я подняла глаза — он смотрел на меня. Серые глаза —

тяжёлые, изучающие.

— Где ты училась? — спросил он.

— Медицинская академия на Земле, — ответила я. — Терапия, потом экстренная космическая медицина. Специализация — боевые ранения и психологическая реабилитация.

— Почему ушла?

— Не захотела быть винтиком в системе. — Я усмехнулась с горечью. — На Земле медицина сейчас — это бизнес. За сотни лет ничего не изменилось. Если у тебя куча денег — сделают всё, хоть любой орган, хоть клона. Если денег нет — идешь на эти самые органы. Или на колбасу. Или в долговую яму. А я хотела помогать по-настоящему. Не ради прибыли — ради жизни.

Это было правдой. Но не всей.

— А ты? — спросила я. — Как вы с Дэном оказались здесь?

Он помолчал. Потом сказал:

— Пять лет назад. Нейтральная зона, сектор семь. Пираты атаковали конвой. Я был на крейсере «Гром» — военный эскорт. Дэн — на торговом судне «Скиталец». Наш крейсер взорвали первым. Я успел в капсулу — её выбросило в открытый космос. «Скиталец» разнесли следом. Дэн тоже оказался в капсуле — его выбросило в ту же сторону.

— Как вы встретились?

— Капсулы столкнулись через два часа. Две железные банки посреди космоса — какая вероятность? Но они столк-

нулись. Глухой удар, скрежет, тишина. Дэн пробил мою герметизацию — у него был ручной лазер. Перетащил меня к себе. В его капсуле было теплее. У меня — сотрясение, внутреннее кровотечение, помутнение. Я не понимал, где я, кто он. Думал — смерть пришла. А он делал перевязки своими руками — без медицины, под вой сирены. Трое суток не спал — следил, чтобы я не впал в кому. Трое суток в железной банке, в холоде, в темноте. А он улыбался. Говорил: «Мы выберемся. Я не оставлю тебя».

— И вы выжили.

— Мы выжили, — поправил он. — После я уволился из флота. Он — из корпорации. Купили «Ласточку» вместе. Я — деньгами, он — умением торговаться.

— Вы команда, — сказала я, пытаюсь улыбнуться.

— Мы семья, — просто ответил он.

Я не знала, что сказать. У меня была семья когда-то. Отец — учёный, медик, гениальный изобретатель. Его сожрала государственная машина Империи. Потому что был слишком умный, но не слишком покладистый. А такие долго не живут. Потом был Рик. И Рик — умер. Теперь у меня не было никого.

Я нажала кнопку регенератора сильнее, чем нужно. Алекс вздрогнул.

— Извините, — сказала я.

— Ничего, — ответил он. Как всегда. Кратко и холодно. Интересно, а он вообще хоть что-то чувствует?..

Тишина. Только гул регенератора и наше дыхание.

— Эта рана, — сказала я тихо. — Она похожа на ту, что я уже видела. У человека, который... не выжил.

— Что с ним случилось?

Я подняла глаза. Он смотрел — не отрываясь.

— Он прикрыл меня, — сказала я. — А я — не прикрыла его.

Алекс молчал. Не задал больше вопросов. Понял.

— Ты боишься, — сказал он, внимательно глядя мне в глаза, — только вот не понятно, своего прошлого или... чего-то ещё? А, док?

— Нет, — соврала я. — прошлое — это прошлое. Оно прошло. А в настоящем всё хорошо.

— Настолько всё хорошо, что пальцы дрожат? Лана, я чувствую твой пульс через сканер, — усмехнулся он. — 112 ударов. Ты врешь.

— Я врач. Я имею право врать пациентам, если это идёт на пользу их здоровью.

— А моему здоровью идёт на пользу, что ты боишься меня?

— Я не боюсь вас, капитан. Я боюсь — себя. Рядом с вами.

Его холодные серые льдинки впились в мои глаза, и он протянул руку. Не к моему лицу — к моим пальцам, которые лежали на его груди, у края раны. Остановился в миллиметре. Я чувствовала его тепло — не касаясь.

— Что Вы делаете? — прошептала я.

— Ничего, — ответил он. — Пока — ничего.

В динамике раздался голос Ника:

— Капитан, ваше давление...

— Заткнись, Ник, — сказал Алекс.

— Молчу, капитан, — ответил андроид.

Я убрала руки. Выключила регенератор.

— Осмотр окончен, — сказала я. — Можете одеваться.

Он сел, надел футболку — медленно, не торопясь. Я стояла к нему спиной, смотрела на экран сканера, хотя ничего там не видела.

— Лана, — сказал он.

— Да?

— Ты не ответила на мой вопрос. Почему ты здесь?

— Потому что вы меня наняли.

— Повторяю: такие специалисты, как ты, не летают на маленьких яхтах.

— Может быть, я просто хочу покоя.

— Тогда ты ошиблась адресом.

Он направился к двери. Остановился. Не оборачиваясь, сказал:

— И вот что. Это мой корабль, и я устанавливаю правила. Мы все здесь на «ты». Принимай это, девочка.

Я подняла голову. Внутри что-то вспыхнуло — злость? Упрямство?

— Я не девочка, — сказала я. — Я...

— Тем лучше, — перебил он.

И сделал шаг назад. Ко мне. Резкий, короткий шаг — и его лицо оказалось слишком близко. Я видела каждую ресницу, каждую морщинку у глаз, каждую тёмную искру в серой глубине.

Он наклонился к моим губам.

Миллиметр. Ещё миллиметр.

Я не дышала.

Он резко выпрямился. И вышел.

Дверь закрылась.

Я стояла, прижимая руку к груди. Сердце билось так, что, казалось, его слышит весь корабль.

Шесть месяцев, — напомнила я себе. — Ты — врач. Только врач.

Но тело не слушалось. Оно помнило его тепло, его запах, его «пока — ничего». И боялось того, что будет, когда «пока» закончится.

ЭПИЗОД 2.2. «Осмотр и точка невозврата»

Алекс.

Рубка. Тот же вечер.

Рубка «Ласточки» была моим убежищем. Не потому, что я прятался — потому что здесь я чувствовал себя живым. Кресло пилота — потертое, с удобными подлокотниками, помнившее сотни прыжков. Пульт управления — тусклое

свечение кнопок, рычаги, экраны. На стене — карта звёзд, исчерченная маршрутами, которые мы уже прошли, и теми, что ещё предстояли. В углу — старый термос, из которого я пил кофе, когда не мог спать. На термосе — смешная картинка: бравый военный в окружении четырёх девушек. Дэн подарил когда-то, вполне в его стиле. Рядом — фотография Дэна и Сэма в каком-то порту, дурачащихся перед камерой. Сэм тогда ещё улыбался. По-настоящему.

Сейчас рубка казалась другой. Тесной. Слишком знакомой. Слишком пустой.

За иллюминатором — космос. Чёрный, бесконечный, равнодушный. Миллиарды звёзд — холодные точки, которым нет дела до того, что происходит в маленькой яхте на окраине галактики. И одна звезда — ближе, ярче — золотисто-голубая, как искрят её глаза цвета тёмного мёда, когда она злится.

Я провёл рукой по лицу. Усталость. Бессонница. Имплант передавал Дэна — он волновался, думал о ней, стоял в машинном отсеке и смотрел на пульс реактора, хотя всё работало исправно. Осматривал на автомате, бездумно. Ждал. Мы оба думали. Об одном.

Я посмотрел на свои руки. Те самые, которые почти коснулись её. Которые держали оружие, штурвал, жизнь Дэна — а сейчас дрожали, потому что какая-то рыжая девчонка сказала «я не девочка».

«Тем лучше», — сказал я.

Лучше? Болван. Придурок. Капитан, который потерял контроль над собой за одну секунду. Я злился. На себя. На неё. На то, что она сделала со мной, даже не прикасаясь.

Я знал, что она скрывает прошлое. Чувствовал — кожей, нутром, тем самым шестым чувством, которое ни разу не подводило в бою. Документы? Они выглядели слишком чистыми, слишком правильными. Ни одного лишнего слова, ни одной ошибки. Люди, у которых нет прошлого, обычно его прячут. А она — прятала. И не умела врать глазами.

Я знал, что она опасна. Не для корабля — для нас. Для Дэна. Для меня. Потому что, когда она смотрела на мой шрам — тот, что на груди, — в её глазах была не жалость. Было узнавание. Боль. Чужая, старая, незажившая. Я знал эту боль. Я носил её в цифре 147 на своём предплечье. Я носил её каждую ночь, когда не спал.

Она — носила свою. И не говорила, где.

И я всё равно наклонился.

За иллюминатором, далеко-далеко, виднелось смутное пятно — газовая туманность, фиолетово-розовая, похожая на старый синяк. Красивая. Бесполезная. Она не проплывала — она просто была. Как память. Как правда.

Я закрыл глаза. И снова увидел её — маленькую, рыжую, с дрожащими пальцами. Она не выглядела на двадцать восемь — в ней было что-то беззащитно-юное, почти детское, когда она не злилась и не строила из себя неприступную скалу. Сейчас — особенно. Как мышонок, которого очень напуга-

ли, и он пытается теперь отрастить колючки. Хочет казаться колючим — куда там. У неё даже иголки пушистые.

Она боялась меня. Боялась себя. Боялась того, что уже начало расти между нами — между мной, Дэном и ею. Ещё ничего не началось — всего один день, один разговор, одна почти случайная близость в медотсеке. Но это «ещё» уже не имело значения. Потому что семя упало в землю. И прорастёт. Сорняком? Или тем, что не выкорчевать?

Я — майор Имперской Безопасности в отставке, капитан малой яхты, человек, который привык контролировать всё. Каждый мускул, каждое слово, каждое решение. А тут — потерял управление. Одна рыжая девица с веснушками и неправильным сердцем разрушила мою броню за секунду. Я злился. Я не понимал, как с этим справиться.

Может, забыться в следующем порту? Снять девчонку по красивее, попроще, без этих её языков и шрамов. Выпить, расслабиться, не думать. Чёрт... я уже так не смогу. Каждая будет не она. А к ней подойти — поймёт неправильно. И вообще — я капитан. Субординация, мать её. Дэну проще — он всегда умел быть ближе. Дэн... Дэн!

Он на осмотре. С ней. Сейчас!

Я дёрнулся. Включил экран. Холодный свет скользнул по лицу, высветил морщины, которых ещё не было. В рубке стало тихо. Только гул вентиляции и моё дыхание.

Я должен это видеть. Не только слышать через имплант

— видеть. Как она на него смотрит. Как он на неё. Как они оба делают вид, что ничего не происходит.

Я сжал подлокотник кресла. И уставился на экран.

Лана:

Я не была готова к Дэну.

После Алекса — его тяжести, его напряжения, его почти... касания. Того самого, когда его пальцы замерли в миллиметре от моей руки, когда он смотрел, но не брал. Это было хуже поцелуя. Это было обещание, которое он не сдержал. А Дэн — он казался лёгким. Слишком лёгким. Опасным по-другому.

Он вошёл в медотсек, улыбаясь. Русые волосы падали на лоб — он сдул их привычным движением. Голубые глаза смотрели на меня с теплом, от которого у меня заныло под ложечкой.

— Привет, док, — сказал он. — Будешь меня раздевать?

— Не двухлетний, — ответила я сухо. — Раздевайся сам. До пояса. И садись.

Он стянул футболку — легко, без напряжения. Его тело было иным, чем у Алекса: плечи чуть уже, талия тоньше, мышцы — не сухие, а пластичные, как у танцора или бойца, который полагается не на грубую силу, а на скорость. И запах — другой. Пряный, острый, с нотками кардамона и чего-то манящего, отчего хотелось вдохнуть глубже.

Я смотрела. Не должна была — но смотрела. Сердце забилось чаще, в груди разлилось тугое, горячее напряжение — не то что с Алексом, не тяжёлое, а какое-то сладкое, тревожное, будто я стою на краю и меня зовут прыгнуть.

Он сел на кушетку, откинулся на спину, вытянул ноги. Расслабленный. Домашний. Будто мы знакомы сто лет.

— А тебе точно двадцать восемь? — спросил он — так спокойно, будто мы сидим на лавочке у подъезда. — Выглядишь моложе.

— Точно, — сказала я, поднося сканер к его груди. — Дыши.

Он вдохнул. Я смотрела на экран — пульс ровный, давление в норме. Никаких патологий. Но сама я чувствовала, что мои собственные показатели сейчас зашкаливают. Дэн скользил по мне изучающим взглядом, сканируя мою фигуру от макушки до пят, задерживаясь на тех местах, которые особенно привлекали внимание этого Казановы. Блин, будто не я его осматриваю, а он меня... И от этого сканирования становилось ужасно жарко. Грудь поднималась чаще, дыхание сбивалось, руки — дурацкие руки — слегка дрожали. Ещё немного — и он услышит, как колотится моё сердце.

— У тебя был мужчина? — внезапно спросил он.

Я замерла.

— Прости, что? — переспросила я.

— Ну, — он улыбнулся, и в уголках его глаз заплясали бесенята. — Сейчас модно давать странные обеты. Есть да-

же целый орден космических монахинь, которые позволяют себе первый секс только после брака. Правда, я не шучу.

— Я не монахиня, — сказала я. — И не даю обетов.

— А мужчина был?

— Это не относится к осмотру.

— Значит, был, — кивнул он. — И что-то пошло не так.

Я промолчала. Он не настаивал.

Я приложила сканер к его животу — мышцы напряглись под моими пальцами. Я чувствовала их тепло даже через датчик.

— Расслабься, — сказала я.

— Не могу, — ответил он. — Ты слишком близко.

Я подняла глаза. Он смотрел на меня — серьёзно, без улыбки. Голубые глаза — глубокие, как космос за иллюминатором. И с опасными детонаторами внутри.

— Ничего личного, — сказала я. — Я — врач.

— А я — не пациент, — выдохнул он. — Я — Дэн.

Он взял мою руку. Не резко — мягко, будто проверял, не отдерну ли я снова. Я не отдернула. Не смогла. Слишком близко были его глаза с весёлыми чёртиками, которые уже тащили меня в свою бездну...

— Можно? — спросил он.

— Что?

— Посмотреть на твоё кольцо.

— У меня нет кольца.

— Значит, и мужа нет, — усмехнулся он. И провёл паль-

цем по моим подушечкам — медленно, изучающе.

Я замерла.

— Странные у тебя отпечатки, — сказал Дэн небрежно.

— Микрохирургия?

Я выдернула руку.

— Это старая травма, — сказала я. — Кислотный ожог.

Пришлось восстанавливать.

— Жёстко, — кивнул он. И ничего не добавил.

Но я знала — он не поверил. И знала — он промолчал.

— Откуда у тебя шрам? — спросила я, кивая на его шею.

Нужно было сменить тему.

Он провёл пальцем по тонкой белой линии.

— Авария в стыковочном узле, — сказал он. — Алекс вытащил меня. Без него я бы истёк кровью. Так что шрам — напоминание. О том, что я жив. И о том, что у меня есть семья.

— Он тебя спас, — сказала я.

— Мы спасли друг друга, — поправил он. — Так бывает, когда два человека становятся одним целым.

Я не знала, что ответить. Потому что никогда не была частью такого целого.

— Ложись, — сказала я. — Проверю живот. Визуально и пальпаторно.

Он лёг. Я подошла сбоку, провела ладонью по его прессу — мышцы перекатывались под кожей, твёрдые, горячие. Рубцов почти не было — только несколько тонких белых ли-

ний на рёбрах.

— Всё чисто, — сказала я. — Можешь вставать.

Дэн не встал. Вместо этого он сжал мою кисть — не сильно, но так, что я не могла вырваться. И медленно повёл мою ладонь по своему животу — вниз. К тонкой полоске волос, которая начиналась от ямочки пупка. И уходила за пояс брюк. Там, ниже пояса, было напряжено. Я чувствовала это — твёрдое, горячее, живое. Даже через ткань.

Я не смотрела. Но чувствовала.

Кровь прилила к лицу, к ушам, к шее. И ниже — туда, где не должно было ничего приливать во время медицинского осмотра.

— Дэн, — сказала я. Голос сел.

— Что? — его голос был ровным, но в глазах — уже не бесенята. Чёрт. Настоящий чёрт.

— Убери руку.

— Ты хочешь, чтобы я убрал?

Я молчала.

Он улыбнулся — краешком губ.

— Я так и думал.

Я закрыла глаза. Когда открыла — его рука была на месте. На моей. Не двигалась.

Но он смотрел — и я тонула.

Дэн (через имплант, Алексу):

— Кэп, у нас проблема.

— Вижу, — ответил Алекс. Я чувствовал его напряжение

— он наблюдал через камеру. Или просто знал. Мы всегда знали.

— Я не могу удержаться, — сказал я.

— Можешь.

— Она реагирует, кэп. Я чувствую. Её пульс, её дыхание, её запах. Она хочет. Боится. Но хочет.

— Дэн, это приказ.

Я убрал руку.

— Извини, — сказал я вслух. — Переиграл.

— Ничего, — ответила она. Её голос дрожал.

Она отошла к столу, взяла планшет, сделала вид, что что-то записывает. Я сел на кушетке, смотрел на её спину. Рыжий хвост, тонкая талия, бёдра, которые сводили с ума. В штанах стало тесно — я не мог не заметить, не мог не чувствовать. Напряжение ниже пояса было почти болезненным, но я не двигался, не поправлял — только смотрел. И ждал.

— Лана, — сказал я.

— Что? — она опять вздрогнула. Как же это заводит!

— Приходи завтра в тренажёрный зал. Я покажу тебе несколько приёмов. Псевдогуманоидные расы используют очень эффективные техники. Тебе пригодится.

Она обернулась.

— Зачем мне это?

— Чтобы ты могла защитить себя, — сказал я. — От кого угодно. Даже от нас.

Она смотрела долго. Потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Во сколько?

— В восемь. Не опаздывай.

— Не буду.

Я надел футболку. У двери обернулся.

— Док, — сказал я.

— Да?

— Ты красная до кончиков ушей. Это мило.

Я вышел, не дожидаясь ответа.

ЭПИЗОД 2.3. «Тренировка. Точка невозврата»

Спортивный зал «Ласточки». Утро.

Дэн:

Зал был тесным, как почти всё на малых яхтах, но здесь умещалось необходимое. Посередине — квадратная платформа с мягким, пружинящим покрытием вместо матов, чтобы амортизировать падения. В углу — классическая боксёрская груша, потрёпанная, но ещё крепкая. Рядом — голографический проектор, создающий виртуального спарринг-партнёра для отработки ударов. На стенах — зеркала, чтобы видеть ошибки. Полки с мелкими гантелями и эспан-

дерами. И запах — лёгкий, чуть солоноватый, пота и озона.

Дэн:

Я ждал её. Стоял на платформе, разминал плечи. На мне была чёрная майка — тонкая, облегающая торс, подчёркивающая рельеф мышц. Штаны — свободные, серые, не сковывающие движений. Волосы чуть влажные — я только что из душа. Я хотел выглядеть хорошо. Не для неё — для себя. Чтобы она видела: я — боец. А не просто шутник, любящий копаться в железках.

Дверь открылась. Она вошла.

В спортивном топе и лосинах — чёрных, облегающих бёдра и талию, как вторая кожа. Волосы распущены — рыжие, до плеч, чуть вьются. Я вдохнул. И забыл, как дышать.

Она пахла сладко — чем-то цветочным, нежным, как весна, которой в космосе не бывает. И под этим всем — феромоны. Та самая неуловимая волна, которую не описать словами, но которую чувствует каждый мужчина, даже не органами обоняния, а какой-то неизвестной точкой мозга, мгновенно посылающей импульс в противоположную известную точку тела. Обычно я воспринимал это как сигнал: цель близка, можно брать. Легко, без напряжения. Но тут — запах этой девочки, весь её вид, её несмелость, когда она вошла, останавливаясь после каждого шага и не зная, куда деть руки, — ворвался в меня резко и сокрушительно, как удар под дых, послан-

ный противником, от которого ожидаешь лишь оборону, а не атаку. Бой ещё не начат, но опасность уже висит в воздухе. И противник, сам до конца не осознающей всей своей силы, уже нашёл твоё слабое место и нанёс первый удар. И даже если ты априори сильнее, исход этого поединка предсказать сложно.

Что же ты делаешь со мной, девочка? — подумал я.

Она двигалась осторожно, немного скованно — волновалась. Это было видно по плечам, по тому, как она сжимала и разжимала пальцы, по тому, как обводила взглядом зал, будто искала пути к отступлению.

— Готова? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она.

— Я научу, — сказал я. Выдохнул. Собрался. Сейчас надо было сдержаться и быть спокойным. Хотя бы некоторое время.

— Начнём с блоков, — сказал я. — От ударов. От захватов. Смотри.

Я показал базовые приёмы — чётко, профессионально. Объяснял, куда ставить ноги, где центр тяжести, как разворачивать корпус. Она повторяла — старательно, сбивчиво, но быстро схватывала.

— Мой рыжий мышонок учится сопротивляться, — усмехнулся я, поправляя её локоть. — Только не мне, маленькая...

Она подняла глаза. Я осекся. Нельзя. Не сейчас.

— Да, именно так... — сказал я мягче. — Маленькая.

Она не спорила. Не отстранилась. Только смотрела — и ждала.

Я отметил про себя: связки хорошие, растяжка приличная, тело слушается — даже когда разум сомневается. У этой девочки было какое-то негибаемое упорство. Такое бывает у обречённых на смерть, которые знают об этом с самого детства. Интуитивно — но знают. И потому даже к решению лёгких задач они подходят с решимостью выиграть кубок мира. Мне это нравилось. Это заводило. Это значило, что стоит ей только попробовать меня на вкус... и её уже не остановить...

— Хорошо, — сказал я. Мне потребовалась целая минута, чтобы выровнять дыхание и заставить инстинкты отступить. — А теперь — падение. Самое важное. Если ты не умеешь падать, ты не умеешь драться.

— Я умею падать, — сказала она, смешно шмыгнув носом. Ну надо же — неужели ты ещё сопротивляешься, мышонок?

— Докажи.

Она попробовала — неуклюже, с перекосом. Я подхватил её за талию, чтобы не ушиблась.

И не отпустил.

— Дэн, — прошептала она.

— Тихо, — сказал я.

Я стоял у неё за спиной — её лопатки прижались к моей

груди. Мои руки на её талии — чуть выше бёдер. Её запах — кофе, корица, страх — ударил в голову. Я вдохнул, шумно, жадно, чувствуя, как её волосы щекочут мои щёки, как прядь касается моей кожи. Огонь пробежал от висков до самых кончиков пальцев. Я не дышал. Она — тоже. Замерла.

— Я не сделаю тебе больно, — прошептал я в самое ухо.

— Я знаю, — ответила она.

— Но я не могу отпустить.

— Знаю, — она замерла в моих руках. Ждала.

Я развернул её к себе. Наши лица были в дюйме друг от друга. Её глаза — карие, раскрыты широко, зрачки — две чёрные бездны. Её губы — приоткрытые. Её дыхание — на моих губах. Один миллиметр — и я коснусь её губ своими.

Она не отстранилась.

— Дэн, — прошептала она.

— Что?

— Что ты делаешь?

— Ничего, — сказал я. — Пока — ничего.

Она не отвела взгляд. И я понял — я пропал. Окончательно. Бесповоротно.

Алекс (через камеру и имплант):

Я смотрел и не мог оторваться. Не хотел следить за ними — но все внутренние камеры были включены. Я сам их включил, когда они ушли из медотсека. И теперь пялился в

экран, как ревнивый муж. Потому что Дэн — это Дэн. А она — это она. И вместе они — огонь, который я не мог потушить.

Она в его руках. Её голова откинута назад, глаза закрыты. Он держит её так, будто она — его.

Чёрт!

«Остановись», — послал я.

«Не могу», — просто ответил он.

«Дэн, это приказ».

Он не ответил.

Я встал. Пошёл к тренажёрному залу. Не знал, зачем — остановить? Или — защитить? Потому что сейчас, в этом наваждении, она могла не думать о последствиях. А когда страсть утихнет — пожалеть. Или... я просто не мог позволить, чтобы Дэн сейчас переступил черту. Не потому, что я ревновал. Потому что она не заслуживала спешки.

Я шёл быстро. Сердце колотилось. Я чувствовал — между ними что-то решается. И я должен быть там.

Лана:

Он держал меня за талию — не отпускал.

Наши лица были совсем рядом. Я чувствовала его дыхание — тёплое, с запахом возбуждённого мужчины, того самого, древнего, который не скрывает желаний. И силу. Мягкую, обволакивающую, всепоглощающую, которой просто

хотелось отдаться. Не думая, на одних древних инстинктах.

Его пальцы на моей спине горели. Его глаза — голубые, глубокие, с бесенятами, которые вдруг стали серьёзными — смотрели так, будто я была единственной женщиной в галактике.

И я не знала, что страшнее — то, что он не целует меня, или то, что я хочу, чтобы он...

— Дэн, — прошептала я.

— Мм? — его голос — низкий, хриплый.

— Кто-то идёт.

Он не обернулся. Смотрел только на меня.

— Мне всё равно, — сказал он.

И начал наклоняться. Медленно. Неотрывно глядя в мои глаза. Давая мне время отстраниться, сказать «нет», уйти.

Я не сказала. Не ушла.

Его губы были в миллиметре от моих. Я чувствовала их тепло. Я закрыла глаза.

И в этот момент дверь открылась.

ТОЧКА ОБРЫВА БЕСПЛАТНОГО ФРАГМЕНТА